

ПРИЧИНЫ И ПОДГОТОВКА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 50-70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 04-01-33106 а/Ю

П.А. КУЗЬМИНОВ

Во второй половине 50-х годов XIX века обозначился военный перевес России в противостоянии с вооруженными силами имамата Шамиля. Но процесс военного и политического покорения «мятежного Кавказа» не решал проблему социокультурного единения. Нужны были иные «нити», которые прочно соединили бы конгломерат народов Кавказа в единый общественно-политический организм России. Главным в процессе объединения этих обществ была проблема преодоления цивилизационных расхождений и дисбалансов между российским и горским социумами и социально-культурного синтеза [1,7], остро стоявшая перед российской администрацией и горской элитой. Сближение и устранение мнимых и явных противоречий было возможно только на основе знания, открытости, доброжелательности как стратегии взаимоотношений народов региона [2]. В большей или меньшей степени это ощущали и по мере сил и возможностей выполняли все звенья администрации и горская элита, связавшая свое будущее с Россией.

К сожалению, правительству так и не удалось преодолеть военизированный характер власти, восходивший к опыту Кавказской войны. Сохранялись различия в реформаторской политике по отношению к казачьему, русскому

и горскому населению [3,267-271], что создавало зоны конфликтогенности и этнического противостояния. Вместе с тем, цель судебных и административных преобразований в отношении горцев с самого начала осознавалась и формулировалась предельно ясно. В отчёте по главному управлению наместника Кавказского за первые десять лет управления великого князя Михаила Николаевича (1873 г.) находим пояснение о том, что военно-народное управление у горцев в 1859 году было предназначено для того, «чтобы путём временного сохранения в силе действия местных обычаев, адата и административного давления на оный подготовить горское население к замене этих обычаев правильным законодательством» [3, 270]. Понятно, что под «правильным законодательством» подразумевалось российское имперское законодательство, общепринятое для подданных государства [4,104]. Таким образом, направленность правовых, административных, аграрных, налоговых, а затем и социальных преобразований, а также место горцев среди прочих подданных Российской империи были означены достаточно ясно и каких-либо исключений в будущем не предполагали.

Административные и правовые преобразования не относились к числу тех

изменений, которые активно влияли на повседневную жизнь горцев. Вполне можно допустить мысль, что многие из таких изменений местным населением не сразу были замечены. Тем более, что различные этнокультурные группы Северного Кавказа на стадии завершения войны находились на разных стадиях интеграции в государственное пространство России и в различной степени зависимости от него. Ряд горных обществ, сведших зависимость от внешнего — «русского» — мира до возможного минимума, сохраняли довольно долго привычный, устоявшийся веками уклад, но в отношении равнинных народов Северного Кавказа (бесленевцев, кабардинцев, кумыков, живущих на плоскости чеченцев, ингушей, осетин, черкесов и др.) такая вероятность выглядит умозрительной. Меры царского правительства, направленные на переселение горцев на равнину, перевод кочевых народов к оседлости и некоторые другие, затронувшие аграрные, имущественные, социальные отношения, отдельные элементы хозяйственного и бытового уклада, во многом были связаны с земельным вопросом, особенно остро стоявшим перед горским населением региона [4, 106].

Развитие разносторонних связей между русским населением Предкавказья и горскими этническими общностями, привлечение горцев на военную и административную службу, обсуждение злободневных вопросов жизни горцев в многочисленных комитетах и комиссиях, создаваемых властями, строительство школ и обучение в них — все это ставило перед Кавказской администрацией более сложные задачи, чем «умиротворение» горцев. Необходимо было создать такую систему «координат», которая бы исключила саму возможность решать возникаю-

щие проблемы с помощью оружия. Военные репрессии, уничтожение аулов, страх, безусловно, не могли стать базисом новых отношений. Нужна была долговременная продуманная политика, позволяющая жителям гор уютно чувствовать себя в рамках новой социально-политической системы и органичного включения Северного Кавказа в процесс российской модернизации.

Этот осознанный вектор развития определялся следующими причинами.

Во-первых, геополитическим фактором, который требовал включения Северного Кавказа в общероссийскую систему, «похоронив» тем самым надежды Турции, Персии, Франции, Англии на возможность отторжения в будущем этого региона. Но на пути решения этой задачи стояла административно-политическая и социальная власть местной феодальной элиты. Посягнуть на неё во время Кавказской войны было опасно, но как только обозначился перевес военных сил в пользу России, администрация стала последовательно наступать на права феодалов. Это и вызвало первый поток миграции горцев в 1859–1861 гг. в Турцию, поскольку горская знать быстро просчитала будущие последствия от уничтожения всех форм зависимости горских крестьян. Ликвидация рабства и зависимых отношений подрывала саму основу, «фундамент» власти горских владельцев и тем самым решала главную политическую задачу коронного правительства.

Во-вторых, необходимость укрепления позиций России в регионе постоянно требовала колоссальных расходов на содержание армии, казачьих войск, горской милиции, администрации, «экстраординарные расходы», на различные местные нужды. Об этом постоянно напоминал Александр II в своих письмах наместнику Кавказа князю А.И. Баря-

тинскому [5,135]. Министерство финансов ежегодно требовало сократить расходы, но сделать это было невозможно, напротив, расходы по наместничеству из года в год увеличивались. Между тем, министр финансов подчеркивал, что «по своему географическому положению и климатическим условиям Кавказский край принадлежит к числу богатейших областей нашего отечества». После долготлетней Кавказской войны, стоившей для государства огромных издержек, «можно и должна быть основана новая эра финансовых оборотов здешнего края, столь изобилующего источниками богатства» [6, 144]. Первым шагом на этом пути было введение подушной или подворной подати с местного населения, которая гарантированно пополняла бы казну деньгами. Но это, в свою очередь, можно было сделать, только уничтожив административную, поземельную и сословную зависимость горцев от феодалов.

В-третьих, в 1860 г. на Северном Кавказе были созданы новые административные единицы: Терская и Кубанская области, в которых, наряду с военными, появляются гражданские органы управления. Это требовало пересмотра устоявшихся методов управления и решения местных вопросов на основе гражданского законодательства.

В-четвертых, отмена крепостного права в Ставропольской губернии (1861 г.) не могла остаться незамеченной соседними народами. К тому же, русские дворяне, казачий старшина и офицеры из горцев, служившие на Кавказе и владевшие «холопами из среды местных народов», в соответствии с решением наместника Кавказа вел. кн. Михаила Николаевича (1864 г.), вынуждены были отпустить их на волю. Слухи об этом настолько обо-

стрили ситуацию, что, по заключению ставропольского губернатора генерала А.П. Волоцкого, «они могли поднять магометанские народы и мирных горцев, ободрить племена непокорных и выйти из-под контроля» [7,15]. Обострение обстановки в крае отмечают Главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский [8,107] и командующий войсками Кубанской области граф Н.И. Евдокимов. Особенно характерно признание последнего: «...Народ, оставленный так долго в ожидании разрешения его жизненных вопросов, слыша одни только обещания, теряет надежду на возможность окончания этого дела и всё более и более развивает в себе недоверие к благонамеренности действий нашего правительства. Вот причина, почему я признаю необходимым разрешение словесного вопроса туземцев сделать безотлагательно, силою власти» [8,1245]. Развивая эту мысль, наместник Кавказа писал Александру II: «Дух времени произвёл своё действие и случаи столкновения горских холопов с владельцами и взаимные жалобы их становятся все чаще и чаще, делая отношения между ними все более натянутыми» [9, 5].

В-пятых, сотни горских феодалов, поступая на службу в армию, казачьи войска, местную милицию, постепенно втягивались в систему российского дворянского «истеблишмента» с его социоэкономическими традициями и ценностями и отчетливо ощущали необходимость юридического закрепления за собой родовых земель, которыми они владели по нормам адата. Поэтому горская элита все настойчивее требовала у кавказской администрации закрепить за ними их земли по нормам российского права, т.е. узаконить их частную собственность. Поддерживая надежды князей и дворян на благопри-

ятное решение аграрного вопроса, российский аппарат управления вместе с тем считал, что проблему необходимо решать комплексно — наделять землей надо было не только просителей, но и других феодалов, с одновременным освобождением их зависимых крестьян.

В-шестых, постоянные просьбы-требования горской элиты о выдаче юридических актов на российское дворянское достоинство, открывающее им дорогу к военной карьере, государственной службе, устройству детей на учебу в российские вузы, — показывают их готовность к преобразованиям и осознанное желание изменить свой социальный статус.

В-седьмых, наличие норм обычного права горцев, детально регламентирующих варианты социального освобождения зависимых крестьян и «холопов» и переход их в разряд вольноотпущенников-азат, дает основание утверждать о существовании в горской среде «социального лифта», позволяющего изменять социальное положение, поскольку процедура как эмансипации, так и порабощения крестьян была частым явлением в горских социумах [10].

В-восьмых, постоянно действующий обычай отпускания «холопов» на волю после смерти владельца «на помин души» создавал нравственно-правовой императив на основе норм шариата, который оказывало определенное воздействие на позицию владельцев холопов и зависимых крестьян.

В-девятых, наличие в российском законодательстве закона «о ясырях» (1835 г.), который запрещал употребление термина «ясырь», означающее раб или невольник, как несвойственное для России, требовал решения этого вопроса [11].

В-десятых, освобождение рабов, принадлежавших наибо́льшему числу разро-

ма Шамиля в 1859 г. русскими властями, стало прецедентом, который остался в памяти зависимого населения.

В-одиннадцатых, необходимо учитывать процессы взаимовлияния российского и северокавказского социумов. Многогранная деятельность администрации по обеспечению мирной жизни, организованной, естественно, на основе российского права, ежедневная потребность горцев в обеспечении условий для традиционной жизни вели к формированию медленного, сложного, противоречивого процесса нивелирования особенностей горских народов с одновременным сближением и адаптацией к новым «государственно-административным реалиям Российской империи» [12, 170]. Менялись, приспособляясь к конкретным жизненным условиям, не только местные этнические общности. Эволюционировала и сложившаяся здесь военно-административная система, пытающаяся, в лице своих наиболее талантливых представителей, организовать приемлемые формы сосуществования различных социосистем. Шёл процесс взаимопознания и взаимовлияния народов, ослаблявший вражду и недоверие, способствовавший стабилизации обстановки и влиявший на принятие решения о необходимости глубоких преобразований на Кавказе.

Таким образом, совокупность отмеченных фактов предопределила предпосылки проведения глубоких структурных преобразований у народов Северного Кавказа.

Для проведения отмеченных выше институциональных преобразований, нужен был профессионально подготовленный, гибкий, адекватно реагирующий на «вызовы», идущие от горских обществ, аппарат управления. Такие административные органы стали

формироваться еще в годы военного противостояния с имаматом Шамиля. При этом задача административной организации покоренного, освоенного пространства имела приоритетное значение, поскольку первым шагом «приобретения» новых регионов «становилось построение административной вертикали, доходившей до самого отдаленного ущелья» [13,83].

Приступая к переустройству края, наместник Кавказа А.И. Барятинский признавал, что в этом деле «...предстоит труд огромный и головоломный». Сложность задачи заключалась в том, что, с одной стороны, нельзя было навязывать горцам несвойственные им понятия и условия жизни, для чего необходимо было привлечь к управлению горцами элиту местных народов, которая бы работала под присмотром российских офицеров, хорошо «изучивших нравы, обычаи и языки горских народов» [14,168]. Отдельной и, может быть, самой трудной проблемой намеченных преобразований была кадровая. Не случайно А.И. Барятинский акцентирует внимание военного министра России именно на этом вопросе: «Где найти достаточное число людей, которые могли бы стать во главе отдельных управлений и самостоятельно вести свод народных учреждений?» [8]. Поэтому для лиц, привлеченных к административной работе, устанавливались определенные льготы, дополнительно выплачивалось жалование за выслугу лет, присваивались вне очереди воинские звания. Одновременно произошло количественное увеличение штата всего аппарата управления Кавказского наместничества.

В процессе изучения системы управления на Северном Кавказе исследователи выделяют ряд направлений: во-первых, она должна была преодолеть

судебно-административную раздробленность и создать единую централизованную организацию края, наладив постоянные связи кавказской периферии с центром империи; во-вторых, постепенно ослабить и ликвидировать законодательную, исполнительную и судебную власть владельческой верхушки (ханов, князей, таубиев, алдаров, баделят, биев, беков, уорков, салаузденей, старшин и др.), руководителей джамаатов, «вольных» братств и др.; в-третьих, ослабить влияние шариата и модернизировать нормы адата с целью подготовить постепенный переход горских народов к единому российскому судопроизводству и законодательству [15].

Основные конструкты новой административной системы, получившей название «Военно-народное управление», были утверждены 1 апреля 1858 г. «Положением о кавказской армии». Они состояли в следующем:

— народный суд и народная милиция возглавлялись представителями военной администрации;

— народное право (адат) бралось под опеку государства, однако ограничивалось право «кровной мести»; право «всеобщего применения оружия»: запрещался трехдневный грабеж имущества убийцы и захват имущества родных и односельчан неисправимого должника в обеспечение долга; недопускалось применение в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов»;

— создавались благоприятные условия для естественного процесса формирования государственности у горских народов Северного Кавказа; меры по восстановлению в правах представителей высших сословий горцев, которые должны были стать опорой для адми-

нистрации; предполагалось создание милицейской стражи из горцев;

— разрабатывались эффективные экономические меры, направленные на повышение благосостояния горцев, включавшие развитие торговли и промышленности, разрешение земельного вопроса, разработку системы поощрительных мер для горцев, находящихся на службе у российского правительства;

— создавались условия, направленные на развитие и поддержку национальной культуры горцев, вовлечение их в сферу культурного влияния России [16, 98, 99, 187, 188].

При штабе Кавказской армии было создано особое учреждение «Канцелярия по управлению кавказскими горцами», в 1865 г. переименованное в «Кавказское горское управление», которое должно было системно заниматься проблемами народов Северного Кавказа.

В 1860 г. Кавказская линия как военно-административное подразделение Кавказского наместничества была ликвидирована, а все пространство Северного Кавказа было поделено на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию. Области в свою очередь были разделены на округа. Терская область объединяла 8 округов: Кабардинский, Осетинский, Ингушский, Кумыкский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Нагорный [17, 497-502]. Устанавливалось раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Это было, по сути, началом практического осуществления перестройки военно-колониционного режима для населения Северного Кавказа на гражданский лад. Округа делились на участки или наиобства, а те, в свою очередь, на аулы.

Оценивая военно-народное управление как новую форму социаль-

турного диалога имперского Центра и горской Периферии, можно отметить вместе с Л.Л. Хоперской, что «шел постоянный поиск адекватных форм управления Кавказом, который нашел свое отражение во введении военно-народного управления, учитывающего стратегические интересы России в регионе и традиции самоуправления кавказских народов. Введение системы двойного российско-кавказского управления учитывало менталитет кавказского населения, большинство которого воспитывалось в традициях полиюридизма» [18, 42].

Рефлексия на многочисленные просьбы горцев заставляла администрацию прилагать серьезные усилия для обсуждения и решения самых злободневных вопросов: земельного и сословного. Открытые с этой целью сословно-поземельные комитеты в 40–50-е годы XIX в. под руководством П.П. Нестерова, Г.В. Новицкого, М.С. Ильинского, Э.С. Алехина, Г.Р. Эрнстова, барона И.А. Вревского, А.П. Грамотина, М.А. Кундухова, В.В. Орбелиани и др. предлагали различные паллиативные меры, но в силу ограниченных полномочий, им предоставленных, оказались не в состоянии выполнить поставленные перед ними задачи [19].

Осенью 1862 г. во Владикавказе и в других округах Терской области были открыты новые поземельные комиссии, но их деятельность оказалась такой же неэффективной, как и предыдущих, поэтому в июне 1863 г. начальник Терской области Д.И. Святополк-Мирский подал рапорт Главнокомандующему Кавказской армией с ходатайством об упразднении этих комиссий и комитетов и об учреждении новой, одной общей для всей Терской области. Председателем Терской сословно-поземель-

ной комиссии был назначен чиновник для особых поручений при наместнике Кавказа, коллежский советник Д.С. Кодзоков [20, 23, 24].

На эту комиссию и легла вся тяжесть решения сословного и земельного вопросов в области. Программа деятельности комиссии предусматривала:

1. Приведение в известность численности населения по племенам и сословиям.
2. Полное выяснение сословных прав в каждом племени.
3. Приведение в известность количества земли, занятого каждым племенем и обществом, нанесение этих земель на планы, со всеми подробностями, необходимыми для точного распределения и разграничения земель.
4. Полное расследование и разъяснение всех спорных земельных вопросов между племенами и обществами.
5. Приведение в известность всех документов и других бумаг, принадлежащих туземцам области и касающихся предметов занятий комиссии, равно и всех разновременно состоявшихся распоряжений правительства, до туземного населения относящихся.
6. Распределение земель по племенам и обществам, а там, где население того пожелает, и по фамилиям, с обозначением границ этих в натуре межевыми знаками.
7. Составление надлежащих документов на упрочение за каждым племенем, обществом или фамилиями права владения теми землями, кои, по надлежащему утверждению предположенной комиссии, могли быть им предоставлены.
8. Полное обсуждение того, какими, в применении к общим законам

Империи, правами должны пользоваться лица различных сословий.

9. Составление особой переписи всем лицам высших сословий в каждом племени, а также лицам туземного населения, пожалованным чинами и орденами, со включением и семейств их [20, 19-22].

1, 3, 5, 6, 7, 8 пункты предложены Кодзоковым, а 2, 4 и 9, видимо, начальником области М.Т. Лорис-Меликовым.

Интересно, что по всем этим вопросам после обсуждения комиссия должна была представлять коллективное мнение всех членов, облекая свои постановления в форму журналов. В процессе обсуждения должны были участвовать все члены, но старшие имели право голоса по всем делам, а младшие — только по тем, которые были возложены на их личное расследование. Работа комиссии строилась не только на коллегиальных началах, но и на принципах гласности, открытости, поскольку в прямую обязанность комиссии входило «сделать известным в народе, через публикации, об обязанностях и целях комиссии, в приведенных девяти пунктах» [21, 14].

Сбор необходимых сведений комиссия вела только от поверенных или депутатов конкретного общества или народа, причем депутат был «законным» только в том случае, если при его выборах участвовали представители всех сословий.

Для ускорения работы во всех округах области были созданы специальные подкомиссии, работавшие под руководством членов комиссии, в которых активное участие принимали окружные и участковые начальники.

Большое внимание подготовительным мероприятиям при открытии, а впоследствии и работе комиссии уделял начальник области М.Т. Лорис-Меликов [22], который не только жестко

контролировал, но и направлял ее работу.

Определяя стратегию работы комиссии, М.Т. Лорис-Меликов подчеркивал, что она должна быть «составлена из членов, практически и теоретически специально просвещенных не только в военном искусстве и в военной администрации, но, если не более, по крайней мере, столько же сведущих в правоведении, истории, географии и статистике... в политической экономии и в деле сельского хозяйства» [23]. Ещё более серьезные требования предъявлялись к ее председателю. По поводу мотивации назначения Кодзокова на эту должность известный кавказовед Г.А. Кокиев писал: «Назначение Д.С. Кодзокова председателем сословной комиссии не являлось случайным шагом... Справедливость требует сказать, что правительство в выборе председателя сословной комиссии не ошиблось. Из целого ряда документов — докладов, отчетов и докладных записок, представленных Кодзоковым в различные административные инстанции, видно, что Кодзоков был широко образованным для своего времени человеком (в 30-е годы XIX в. закончил словесное отделение философского факультета Московского университета. — П.К.), а самое главное, — он был глубоким знатоком быта горских народов Северного Кавказа. Его докладные записки по тем или иным вопросам горского быта и в наше время не лишены большого интереса» [25, 8-9].

Комиссия занималась изучением сословно-правовых отношений горского населения и проведением крестьянской, аграрной и податной реформ в округах Терской области, проделав «огромную работу по сбору материалов по истории хозяйственно-экономического и социально-политического строя на-

селения Северного Кавказа» [25, 76].

Завершив размежевание земель в плоскостной части Терской области, 31 декабря 1869 г. комиссия Кодзокова была преобразована в современную «Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» в подчинении ее главному управлению наместника Кавказа. С небольшими перерывами комиссия просуществовала до 1908 г., когда после дебатов в III Государственной Думе она прекратила свою деятельность.

Воплощая идеи о необходимости перемен, правительство проводит серьезную перестановку кадров в высшем эшелоне кавказской администрации. В 1862 г. вынужден был оставить Кавказское наместничество фельдмаршал А.И. Барятинский. Конфликт между начальником Терской и Кубанской областей, «покорителем» Кавказа Н.И. Евдокимовым и его помощником князем Д.И. Святополк-Мирским был разрешен Александром II в сторону последнего, назначенного начальником Терской области. В управление Кавказским наместничеством на место старых боевых генералов, искавших по отношению к горцам «в одной только силе опоры», пришли более умеренные генералы, которые «хотели достичь цели правительства другими, сообразными с духом времени и христианской цивилизации, методами» [26, 9]. Новый наместник Кавказа вел. кн. Михаил Николаевич, начальник Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцов, новый начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, начальник Дагестанской области А.В. Комаров, начальник Горского управления Кавказского наместничества Д.С. Старосельский и др. стали «проводниками» политики реформ на Северном Кавказе.

Летом 1866 г. в Тифлисе был создан

Особый комитет по освобождению зависимых сословий у северокавказских горских народов, председателем которого наместник назначил своего помощника генерал-адъютанта А.П. Карцова [27,1]. На первом заседании 4 июня комитет выработал общие принципы по освобождению крестьян. Комитет признал, что в трех областях количество зависимых сословий разное, причем наиболее многочисленны они в Кабарде, Осетии, у северо-западных адыгов. Здесь существовало три формы зависимости: административная, поземельная и личная. Административная и поземельная зависимость ликвидировалась в ходе земельной реформы и раздельного поселения владельцев и зависимых.

Становление новой системы управления в крае многократно усилило контакты горцев с русским населением городов и предгорий, что привело к столкновению осознанных частных интересов между различными социальными группами, вызвало запутанность делопроизводства. Различие форм управления в рамках области оказывало в целом негативное влияние на аппарат власти и тормозило развитие общества.

Осознанная необходимость реформирования системы управления потребовала активных действий. Подготовленный проект о новом административно-территориальном устройстве областей Северного Кавказа был утвержден 30 декабря 1869 г. указом Александра II Правительствующему Сенату. Основное содержание нового «Положения о Кубанской и Терской областях» заключалось в устранении существовавших особых учреждений

для гражданского, казачьего и горского населения и подчинении всего населения без этнических различий в единые административно-территориальные единицы, хотя и «с необходимым по местным условиям изъятием для горцев» [28,212]. «Изъятия», причем значительные, были сделаны и для казачьего населения. По мнению О.А. Леусян, в Кубанской области сложилось «не гражданское, а военно-казачье административное устройство» [29, 107]. В Терской области административная, военная и судебная власть в округах по-прежнему принадлежала начальникам округов.

Тем не менее, «народный», этнический принцип, положенный в основу административно-территориального деления Северного Кавказа в 1860-х годах, привел к тому, что «в регионе впервые возникли административные границы, легитимные для российской государственности. До этого существовали лишь этнические границы, установленные скорее по праву сильного и освященные традицией, но не имеющие формально-правового закрепления. Новые этнические границы также появились по праву сильного, но теперь они сопровождались тем административным, государственным оформлением, которое послужило зачатком нынешней этнополитической конструкции региона» [30,9].

Новая система управления, по нашему мнению, создавала реальные возможности инкорпорирования традиционных общественных институтов горцев, прежде всего на аульном уровне, в административно-правовую систему Российского государства.

1. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик, 2007.
2. Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60–90-х гг. XIX в. Владикавказ, 2002; её же: Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторческие проблемы модернизации. Владикавказ, 2003 и др.
3. Мальцев В.Н. Влияние Кавказской войны на административно-судебные преобразования на Северном Кавказе второй половины XIX века // Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции. Краснодар, 1994.
4. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2005.
5. Письма императора Александра II князю А.И. Барятинскому (1857–1864 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 11.
6. Берозов Б.П. Путь, равный столетию. Орджоникидзе, 1986.
7. РГВИА Ф. 1. Д. 21283.
8. Акты Кавказской археологической комиссии. Тифлис. 1904. Т.12.
9. РГВИА. Ф. 400. Оп.258/908. Д. 45. Л.5.
10. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Вып. 1–2. Нальчик, 2002.
11. ПСЗ-II. Т. X. Отд. первое. 1835 г. Ст. 8138.
12. Битова Е.Г. Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // Res Publica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2000. Вып.1.
13. Битова Е.Г. Балкарские общества в административно-политической системе Российской империи XIX века // Кавказский сборник. Т. 1 (33). М., 2004.
14. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х т. Тифлис, 1907. Т. 2.
15. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1893. Т. 12.
16. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е годы XIX века. Владикавказ, 2005; Малахова Г.Н. Становление и развитие Российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII — XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001; Бобровников В.О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001; Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.). Пятигорск, 2000 и др.
17. Бобровников В.О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. История Российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2004 и др.
18. ПСЗ-II. Т. XXVII. Отд. 1.
19. Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1997.
20. Подробнее об их деятельности см.: Кузьминов П.А. Работа сословно-позе-

- мельных комиссий в 40–70-х годах XIX в. в Центральном Предкавказье // Вестник Дагестанского научного центра. 2005. № 22.
21. ЦГА РСО–Алания. Ф.256. Оп.1. Д.5.
22. Гаиров Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области. Тифлис, 1905.
23. Более подробно о деятельности М.Т. Лорис-Меликова см.: Эльгибекян А. Генерал-адъютант М.Т. Лорис-Меликов. Ереван, 1942.; Епанешников Н.В. Политический портрет М.Т. Лорис-Меликова. Дис... канд. ист. наук. Б.М. 1947; Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис-Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность. Ереван, 1997; Ибрагимова З.Х. Терская область под управлением М.Т. Лорис-Меликова (1863–1875 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1998; Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5 и др.
24. РГИА. Ф. 866. Оп.1. Д. 21.
25. Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.
26. Кумыков Т.Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985.
27. Научный архив СОИГСИ. Ф. 2 Оп. 1. Д.16.
28. ГАКК. Ф.774. Оп. 1. Д. 653.
29. Малахова Г.Н. Становление и развитие Российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001.
30. История Кубани с древнейших времен до конца XX века. Краснодар, 2004.
31. Цуциев А., Дзугаев Л. Северный Кавказ 1780–1995: история и границы. Владикавказ, 1997.